

Часть первая

ПОБЕГ

Местность была ему знакома, но бензин предательски кончался. Пилот это чувствовал и ругался последними словами. Еще минут десять-пятнадцать, и он сумел бы приземлиться на взлетно-посадочной полосе своего полка! Но нет, не дотянуть. Куда же посадить самолет? Пару минут он покружил над лесом, пока не обнаружил большую поляну. Придется здесь. Эх, где наша не пропадала!

Двигатель начал давать сбои, потом заглох. Однако посадка, к немалому удивлению летчика, удалась наилучшим образом. Самолет стоял на поляне, и вокруг него царил тишина. Это было удивительно хотя бы потому, что совсем недалеко пролегал линия фронта. А может, эта тишина просто пригрезилась пилоту после огромного физического и морального напряжения?

Званцев тяжело дышал, упершись головой в лобовое стекло кабины, чувствовал, что покинуть самолет нет сил. Ему не верилось в такую

удачу. Один шанс из ста, а он жив. За самолетом «Як-3» гнались, по нему стреляли. Он поднял его в воздух, каким-то чудом перелетел линию фронта и остался цел и невредим. Вот только силы, похоже, на исходе.

Но надо собраться, взять волю в кулак, стиснуть зубы и вылезать из кабины. Пилот сдвинул назад фонарь, оперся двумя руками о корпус машины и сделал попытку подняться в кресле.

В это время слышались шаги. На поляну осторожно вышли офицер в чине лейтенанта и двое солдат с автоматами. Свои!

Летчик кое-как вывалился из кабины, попытался встать по стойке смирно, но его шатало.

— Старший лейтенант Званцев, Четыреста сорок девятый бомбардировочный авиационный полк Семнадцатой воздушной армии. Бежал из плена, — представился он и осведомился: — А вы, очевидно, Третий Украинский?

Но лейтенант не был расположен к разговору.

— Кто ты и откуда бежал, будем разбираться в штабе, — мрачно произнес он. — Оружие есть?

— Никак нет.

— Тогда вперед и с поднятыми руками!

Начальник дивизионного отдела контрразведки Смерш капитан Купцов собирался лечь и хоть пару часиков поспать. Сейчас, когда

фронт приблизился к границам рейха, работы у него ничуть не убавилось. Появилось множество людей, освобожденных из плена, и военных, и гражданских. Попробуй разберись, кто и как туда попал и что там делал. На бывших оккупированных территориях полицаев пруд пруди. Есть и власовцы. Правда, с такими разговор короткий. А тут еще пленные немцы. Ни минуты покоя.

— Разрешите?

— Кто там еще? — недовольно спросил Купцов, поднимаясь с деревянной лежанки.

— Да вот, перелетел к нам, — доложил начальник патруля и толкнул Званцева в спину, пропуская вперед.

Купцов зевнул, накинул шинель. В блиндаже топили, но все равно было холодно.

— Садись, Сафин, протокол будешь вести, — сказал он и мрачно кивнул лейтенанту на скамью.

Сам капитан расположился за небольшим письменным столом, на котором стояли два телефонных аппарата и лежали несколько папок с документами. Званцеву он присесть не предложил.

Минуту Купцов рассматривал этого человека, потом закурил, выпустил струю дыма и осведомился:

— Что за наряд у тебя, сокол ты сизокрылый?
С виду не наш, и на немецкий не похож.

— Это форма солдата бывшей чехословацкой армии. От моей родной остались одни лохмотья.

Купцов ехидно усмехнулся и спросил:

— Так ты и за чехов успел повоевать?

Разговор явно шел не в нужном направлении.

Поэтому Званцев не ответил на вопрос и сразу же высказал главное:

— Товарищ капитан, у меня имеются важные сведения о новом немецком самолете.

Но Купцов проигнорировал эту реплику.

— Здесь вопросы задаю я! — заявил он и грохнул кулаком по столу. — А твое дело отвечать. Врать, темнить не советую, все равно узнаем. Итак, фамилия, имя, отчество, место службы, как попал в плен? Хотя нет, отставить. Изложи-ка лучше все письменно, в виде объяснительной.

Купцов достал лист бумаги, карандаш и приказал Званцеву сесть за стол. Сам же продолжал курить, что-то прикидывая в уме.

*Из объяснительной старшего лейтенанта
449 бомбардировочного полка 17 воздушной
армии Званцева Игоря Николаевича*

*12 ноября 1944 года наш самолет «Пе-2»,
экипаж: летчик Званцев И. Н., штурман лейте-
нант Величко П. П., стрелок-радист сержант*

Балябин С. К., производил разведку дороги на участке Новы Замки — Трнава с целью вскрыть передвижение войск противника и сфотографировать рубеж обороны по реке Ваг. На высоте 4000 метров самолет был атакован двумя парами истребителей «Ме-109». В неравном бою с первой атаки был поврежден левый мотор нашего самолета. Я со снижением стал выходить из-под удара. При этом воздушному стрелку удалось сбить один «Ме-109». Но три других подожгли наш самолет. Величко и Балябин были убиты. Мне удалось покинуть самолет на парашюте. Приземляясь, я сильно ударился, потерял сознание и попал в плен.

Ст. лейтенант Званцев И. Н.

Купцов взял листок, прочел то, что было на нем написано.

— Что, не хватило духу застрелиться? — буркнул он, не вынимая папиросы изо рта.

— Я потерял сознание. Когда очнулся, передо мной стояли два немца с автоматами.

Купцов притушил окурок и заявил:

— А теперь о пребывании в плену.

Званцев взялся за карандаш, но сотрудник контрразведки Смерш остановил его:

— Отставить! Нечего бумагу переводить. Так рассказывай. Встать!

— Первоначально попал я в лагерь, находящийся в Чехии, — начал Званцев, поднявшись. — Мы расчищали завалы, строили казармы и административные здания.

— Для кого?

— Для наших предателей, власовцев.

— Почему так решил?

— Их представители приезжали не раз. Смотрели, как мы строим. Агитировали.

— И что, были желающие?

— Так, жалкие единицы.

— Дальше.

— В лагере нас почти не кормили. Было ясно, что долго не протянем. Поэтому решили мы готовить побег, тем более что по слухам недалеко в горах были партизаны. Но за два дня до побега меня и еще два десятка заключенных перевели в другой лагерь, в местечко Хинтербрюль, что в Австрии, на окраине Вены.

— За какие заслуги?

— Забрали всех, кто имел отношение к авиации: летчиков, механиков, строителей аэродромов.

— И что там, в этом самом Хинтербрюле?

— Там авиазавод. Но основное сборочное производство спрятано в старой меловой шахте.

— Как ты умудрился бежать?

— Всеми делами у них управляет Эрнст Хейнкель, известный авиаконструктор. У него

причуды. Он создал своего рода музей под открытым небом, собрал самолеты разных стран. Одним из них был «Як-3», на котором я улетел.

— Так вот сел и улетел?

— Мне помог один человек.

— Что за человек?

Званцев замер. Сказать правду или нет? Пове- рит ли этот капитан, что побег ему организовал его брат? Нет, лучше не рисковать:

— Это был человек из движения Сопротив- ления. Есть такая организация.

Капитан Купцов задумался, снова закурил, не спуская глаз с высокого худощавого летчика в чехословацкой форме.

В Смерше Купцов был почти с самого начала, с весны 1943 года. Случались у него и удачи, и проколы, но в целом он был у руководства на хорошем счету. Однако сейчас, в сорок пятом, в преддверии победы, этот сорокалетний муж- чина ощутил, что создан не только для поимки дезертиров, предателей и полицаев. Ему хотелось большего. Да и в капитанах он засиделся.

Месяц назад Купцов задумал важнейшую, как ему казалось, в своей жизни операцию. Он знал, что у подножия гор на немецкой террито- рии находится лагерь военнопленных. Почти три тысячи человек, занятых на ремонте стратегиче- ской автодороги, пострадавшей после бомбежек.

Охрана небольшая, людей у немцев не хватает. В лагере вполне реально устроить восстание. Если оно удастся, то можно будет из освобожденных узников сформировать пару батальонов, сбросить им с самолетов оружие и поставить боевую задачу. Они должны будут захватить и удерживать до прихода своих ближайший к лагерю городок Суховец и стратегическую дорогу, проходящую через него.

Чем не идея! За такое можно и Героя отхватить.

Купцов вспомнил, как организовывал подготовку и заброс разведгруппы в район нахождения концлагеря. Цель — войти в контакт с подпольной организацией лагеря во главе с майором Петриченко. Купцов доверял этому человеку, поскольку знал его лично.

Однако данному замыслу не суждено было сбыться. Поначалу все шло нормально. Командир разведгруппы передал даже время и дату начала восстания. Но оно не состоялось. Разведгруппа погибла. Полтора десятка заключенных, прорвавшихся через колючую проволоку, были пойманы и расстреляны.

Купцов жадно затынул.

«Кто виноват? Конечно же, я. Разведгруппу готовил наскоро, опыта в таких делах у меня нет. Придется в рапорте брать вину на себя.

Ох, как не хочется. А может, восстание не состоялось потому, что среди организаторов нашелся предатель? Точно, предатель! Этот вот парень в чехословацкой форме вполне сойдет за такого».

Купцов окинул Званцева пристальным взглядом. Страх в глазах его он не нашел. Всякие люди стояли перед ним. Одни тряслись, зная, что их ждет, другие ненавидяще глядели на него исподлобья, готовые вцепиться в глотку. А этот смотрел куда-то в сторону, словно чувствовал собственную невиновность.

Что ж, и не таких ломали. Хотя сначала лучше с ним по-доброму.

— Садись, лейтенант. В ногах правды нет. — Купцов указал Званцеву на скамью и обратился к своему помощнику, который сидел и заполнял шапку протокола: — Пойди, Сафин, погуляй. — Когда тот вышел, Купцов негромко произнес: — Вот что, Званцев. Времени у меня в обрез, поэтому давай договоримся прямо сейчас.

— О чем?

— Молчи, слушай меня. — Купцов вытащил новую папиросу, закурил и продолжил: — Я понимаю все случившееся с тобой следующим образом. Ты входил в лагерный подпольный комитет. Так?

— Так.

— Комитет возглавлял майор Петриченко. Ты знал такого?

— Не только знал. Мы вместе готовили побег.

— Хорошо, пойдем дальше. Побег вы готовили, но тебя раскрыли, пытали. Ты не выдержал и...

— Вы хотите сказать, что я выдал?

Купцов глубоко затынулся, выпустил струю дыма прямо в глаза Званцеву и заявил:

— А ты парень догадливый.

Теперь уже Званцев глядел на офицера Смерш в упор.

— Хотите сделать из меня предателя?

— Подожди, не кипятись. Молчи и слушай меня. Ты напишешь покаянную, где изложишь все, что я тебе скажу. А затем... Ты офицер, летчик, участвовал в боях. Поэтому направим мы тебя не в трибунал, а в фильтрационный лагерь. Получишь ты пятерик и легко отделаешься. А если нет, то трибунал, но с другой формулировкой: «Добровольная служба у врага с отягчающими обстоятельствами». На юридическом языке это означает: статья пятьдесят восьмая, измена Родине. Понимаешь, чем тебе это грозит?

Званцев почувствовал, что в нем закипает злость.

— Это я-то предатель? Ишь ты, какой красивый! — Он, сам того не замечая, перешел на

«ты». — Да меня за три дня до намечавшегося восстания отправили в другой лагерь!

— Ну и что? Выдал и отчалил, чтобы свои не придушили. — На лице контрразведчика появилась ехидная улыбка.

Званцев поднялся со стула.

— Вот что, товарищ капитан...

— Я тебе не товарищ. Для тебя я гражданин капитан.

— Так знай, гражданин капитан, что меня несколько раз могли убить. Я рисковал жизнью не только ради спасения собственной шкуры, а в первую очередь для того, чтобы донести до командования сведения о новейшем немецком самолете. Тебя, похоже, это не интересует.

Теперь уже поднялся Купцов, погасил папиросу и проговорил:

— Я представитель контрразведки Смерш, и меня интересует любая информация, даже если она похожа на сказку. Что за самолет? Откуда взялся?

— Новейший реактивный самолет. Я уже говорил об этом.

— Какой такой реактивный?

— Как вам объяснить? Это тот, который без винта. Он развивает гораздо большую скорость, чем обычный.